

Чекисты глазами эмигрантов

К вопросу о достоверности известных мемуаров А. М. Оссендовского и Б. Н. Ширяева

Статья посвящена анализу достоверности ряда важных сообщений в известных мемуарных работах эмигрантских писателей, касающихся реальных исторических событий и персон из состава органов ВЧК-НКВД — «И звери, и люди, и боги» А. М. Оссендовского (1923 г.) и «Неугасимая лампада» Б. Н. Ширяева (1954 г.). Заметный налёт беллетризации, присущий обеим книгам, существенно затрудняет их восприятие как исторических источников; между тем часть исследователей повторяют неверные факты и пристрастные оценки авторов. С помощью привлечённых как опубликованных данных, так и сведений из центральных и региональных архивов расширен список объективных и ценных сообщений, содержащихся в мемуарах Оссендовского, а при анализе книги Ширяева исключён из числа достоверных популярный у исследователей фрагмент, посвящённый видным функционерам ОГПУ-НКВД.

Введение в научный оборот малоизвестных ранее источников, включая огромный массив мемуарной литературы, созданной эмигрантами из Советской России, значительно расширяет исследовательские возможности. При этом возникает непростой вопрос о достоверности этих источников, которые, с одной стороны, сообщают уникальные и важные сведения, с другой — содержат массу неверной и тенденциозной информации, включая, помимо естественных ошибок памяти, неверно осмысленных фактов и слухов, как беллетризованные выдумки, так и намеренную фальсификацию. Особенно непросто использовать те мемуарные книги, которые заведомо носят беллетризованный характер, но вычёркивать их из списка серьёзных источников в ряде случаев нет оснований. Между тем многие исследователи (А. Л. Литвин, Дж. А. Гетти) до сих пор предвзято подходят к эмигрантским сочинениям, трактуя дела и кадры советской госбезопасности. Они относят их к пропагандистской и эмоциональной литературе, авторы которой, по заявлению А. Л. Литвина, сознательно стремились «запугать западную интеллигенцию ужасами ЧК»^[1]. На самом деле эмигрантские писатели в целом ставили перед собой куда более ответственные и этически обусловленные цели; в их работах, отрицавших доктринальные и нравственные основания большевизма, при всей жёсткости приведённых фактов и оценок, отражена лишь сравнительно небольшая часть репрессивно-охранительной деятельности чекистов.

Работа с архивными документами и новейшими публикациями позволяет находить интересные свидетельства, которые в состоянии помочь проверить те или иные эмигрантские утверждения, дать более

точную оценку их достоверности и ценности. Ниже информация ряда документов центральных архивов: Архива президента Российской Федерации (АП РФ), Российского государственного военного архива (РГВА), Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ) и региональных: Государственного архива Новосибирской области (ГАО), Отдела спецдокументации Государственного архива Алтайского края (ОСД ГААК) сопоставляется текстами двух известных мемуаров А. М. Оссендовского «И звери, и люди, и боги» и Б. Н. Ширяева «Неугасимая лампада»[2]. Оба источника близки по жанру — это беллетризованные воспоминания в одном случае о бароне Р. Ф. Унгерне, в другом — о соловецкой каторге и личности одного из организаторов ГУЛАГа Н. А. Френкеля. Следует учесть, что если текст Оссендовского в последние годы изучается и критикуется российскими учёными, то работа Ширяева традиционно считается незаменимым источником по ранней истории ГУЛАГа, но критический анализ её информации отсутствует. Однако с помощью новых фактов можно проверить на достоверность целый ряд важных сообщений, которые содержатся в упомянутых трудах.

Антон Мартынович Оссендовский (1876–1945) ранее был известен как польский писатель и путешественник Фердинанд Оссендовский, а в последнее время открылась такая сторона его личности, как политический авантюризм на ниве пропаганды. Родившийся в Российской империи, он получил специальность химика, но состоялся как популярный литератор. В непримиримой борьбе с большевиками он пошёл на масштабный подлог и составил десятки «документов» о финансовой связи большевиков с генштабом Германии, опубликованных в США осенью 1918 г. в качестве знаменитых «документов Сиссона» (авторство Оссендовского было выявлено американским историком Д. Кеннаном в 1956 г.[3] и подтверждено В. И. Старцевым, причём последний, говоря о мемуарах Оссендовского, отметил, что данный текст в основном правдив[4]). Затем бывший столичный журналист обосновался в Омске, занимался пропагандой в правительстве А. В. Колчака и редактировал журнал «Вестник финансов, промышленности и торговли». После падения белой власти Оссендовский через Урянхай и Монголию уехал в США, где в 1923 г. опубликовал свои сибирские и монгольские приключения в яркой книге «И звери, и люди, и боги». Она вышла на многих языках тиражом в сотни тысяч экземпляров (русский перевод появился в Риге уже два года спустя[5]). В 1994 г. она вышла и в России. Подозрение, что Оссендовским использована масса фальшивых документов ещё более заостряет вопрос относительно достоверности этого сочинения — увлекательного с литературной точки зрения, антикоммунистического по содержанию, но раскритикованного за некоторые явные ошибки и неправдоподобные эпизоды ещё в момент появления.

Недавно объективность наиболее интересного раздела мемуарной книги Оссендовского, посвящённого событиям в Монголии конца 1920 —

первой половины 1921 г., проанализировали историки С. Кузьмин и Ю. Рейт и сделали вывод, что часть сообщаемого автором несомненно выдумана (вроде путешествия Оссендовского в Тибет и его личных бесед с монгольским монархом), но «содержит в основном достоверные сведения об общении автора с бароном Унгерном и о событиях в западной и центральной Монголии». Авторы, работавшие с неопубликованными документальными рукописями Оссендовского, заключают, что книгу «И звери, и люди, и боги» можно считать важным источником по этим вопросам. Ими, в частности, цитируется ранее неизвестное письмо Унгерна от 20 мая 1921 г. своему агенту в Китае К. Грегори, где барон чётко обозначал своё полное расположение Оссендовскому: «Верить во всем профессору этому»^[6].

Сведения Ф. Оссендовского (и многих других мемуаристов) о крайней жестокости Унгерна, применении смертной казни за воровство и другие нетяжкие уголовные преступления, а также казнях женщин и подростков подтверждаются не только прочими мемуарами свидетелей унгерновщины, но и архивными сведениями. Подтверждаются факты уничтожения окружением Унгерном не сотен, а тысяч заключённых, среди которых, вероятно, преобладали специально привозимые на расправу в Даурию сторонники большевиков. Один из офицеров, прапорщик А. Я. Терехов, оставивший его дивизию после ранения осенью 1920 г., был похищен агентами военной разведки (один из которых опознал Терехова как палача) на ст. Маньчжурия в марте 1921 г. и вывезен в Советскую Россию. Там он дал достаточно подробные показания о своей службе в комендатуре Унгерна с конца 1918 по октябрь 1920 г. Он сообщал: «В Даурию приводили массу арестованных... Пороли, били на гаубвахте... Я сам порол. Разстреливали на кладбище. Число разстрелянных не знаю. Разстрелы производились каждую ночь. Барон каждый раз сам назначал офицера, который должен был производить разстрел и тот брал солдат из своей части. Комендантская команда тоже производила разстрелы. По прибытии арестованных их выстраивали, барон обходил их и сам назначал: кому 20 [ударов], кому 25, кому 30, кому больше, а кого и разстрелять»^[7].

Из показаний Терехова видны и масштаб террора, и его крайняя жестокость: «Сколько разстреливали в Даурии сказать не могу. Разстреливали ведь без счета тысячами [...] Вешали без суда по приказанию барона, но большевиков, а если он молодой, только пороли, но, а старых расстреливали. Арестованных привозили из Владивостока и из Читы партиями... Первый раз я участвовал при расстреле 5-ти человек татар, потом еще 4 человека татар, [...] при расстреле 26 человек». Терехов подтвердил частые случаи казни подростков, женщин^[8].

Часть сведений, попавших в книгу «И звери, и люди, и боги», сначала была зафиксирована в недавно обнаруженной записной книжке Оссендовского, что снимает многие вопросы относительно

достоверности ряда эпизодов. Здесь же следует внести не очень, увы, определённую поправку в неточно прочитанную или записанную фамилию партизанского командира в Кузнецке Лобова[9] — скорее всего, имеется в виду захвативший и разгромивший Кузнецк предводитель партизан Алтая беспощадный Г. Ф. Рогов, либо кузбасский вожак П. К. Лубков, либо действовавший там же повстанец В. П. Шевелев-Лубков.

Имеются основания с доверием отнестись и к тем сведениям Оссендовского, которые не касаются Унгерна. Например, он приводит подробный эпизод с задержанием в Монголии советских чекистов-нелегалов, попавшихся на жестоком убийстве с ограблением. При этом Оссендовский назвал фамилию реального работника карательной системы, совершенно верно указав его прежнее место службы в Бийске. Рассказывая о посещении в начале 1921 г. русской телеграфной станции на озере Тисингол, связывавшей озеро Косогол на севере Монголии и Улясутай — город в западной Монголии, мемуарист упоминает свой разговор с начальником станции Каниным, его женой, с высокий худощавым мужчиной, назвавшимся Гороховым, русским поселенцем из Самгалтая, и девушкой лет пятнадцати, одетой в мужскую одежду и представленной сестрой Горохова. На вопрос Оссендовского, есть ли неподалеку дома русских поселенцев, Канин неприязненно назвал жилище «богатого старика Боброва», заявив, что это «скряга, каких поискать». Враждебный тон Канина, смущение его жены, напускное равнодушие Гороховых заставили проникательного Оссендовского навестить Боброва, от которого он узнал что «Канин, по-видимому, был большевиком, агентом Иркутского Совета, оставленным здесь для наблюдения», а из Бийска «только что прибыл важный комиссар» Горохов, который на самом деле — чекист. Бобров заявил: «...Я тоже родом из Бийска и знаю там каждую собаку. Его подлинная фамилия Пузиков, а стриженная девка — его любовница. Он — комиссар Чека, а она агент того же учреждения. В августе прошлого года эти голубки вдвоем перестреляли семьдесят связанных офицеров Колчаковской армии[10].

Здесь следует отметить, что количество расстрелянных в Бийске офицеров, скорее всего, завышено, ибо отчёт Бийской уездной ЧК от 17 сентября 1920 г. гласил, что из фигурантов заведённых 2 440 дел в тюрьме и концлагере находилось 799 чел., а расстреляно было 30 чел.[11] Однако надо учитывать, что основная часть политических убийств в охваченном красным бандитизмом Бийском уезде Алтайской губернии совершалась комячейками из бывших партизан, чекистами и милиционерами в бессудном порядке. К исходу 1920 г. Огнёвская партийная ячейка в Бийском уезде расстреляла 200 чел., другая ячейка — 70 чел., некоторые — по 10–20 чел.[12] А в декабре 1921 г. за пьянство и хулиганство был исключён из партии сотрудник для поручений Секретно-оперативного отдела Алтайской губчека В. Кудимов,

о котором заведующий отделом губкома РКП (б) П. Г. Канцелярский писал, что за ним, помимо уголовного прошлого, числится 57 убитых[13].

Коммунист и чекист Павел Порфирьевич Пузиков (ок. 1892–1921) — реальный персонаж с достаточно богатой биографией. Он происходил из мещан, образование получил «домашнее». До 1914 г. работал в лесном хозяйстве, затем был мобилизован и до февраля 1917 г. находился в особой дивизии во Франции. Интернированный, до октября 1917 г. он находился в плену в Болгарии. В 1918 г. Пузиков служил в советских учреждениях в Бийске. После свержения большевиков в июне 1918 г. он, вероятно, находился на нелегальном положении, а весной 1920 г. проходил по документам в качестве сотрудника Бийского политбюро Алтайской губчека. В апреле 1920 г. кто-то бросил гранату в комнату Пузикова, но её осколки практически не задели чекиста. С подачи Пузикова за это покушение были расстреляны семеро бийчан (впоследствии реабилитированы)[14]. Затем эта фамилия исчезает из документов сибирского региона, что легко объясняется командировкой чекиста в Монголию. Бывавший за границей Пузиков был сочтён подходящим для закордонной работы на востоке, где необходимо было наблюдать за многочисленными белоэмигрантами. И не только наблюдать, но и предпринимать карательные экспедиции вглубь монгольской территории. Сожительство чекистов со своими сексотками было самым обыденным явлением.

Таким образом, на рубеже 1920–1921 гг. в Улясутае обосновалась советская разведка с иркутским (предположительно) большевиком Каниным и бийским чекистом П. Пузиковым, наблюдавшая за белогвардейскими отрядами в Монголии. Возможно, с их деятельностью был связан боевой эпизод со вторжением советских войск на монгольскую территорию. Согласно сводке Иркутской губчека, 17 декабря 1920 г., в период, описанный Оссендовским, чекисты зафиксировали, что в населённом пункте Хатхал (в сводках — Хатхыл) формируется белогвардейский отряд, разведчики которого появились в Тункинской долине. Командование 5-й армии и руководство Иркутской губчека приняли решение о проведении военной операции против этого отряда, и 2 января 1921 г. «экспедиционным отрядом Иркутского пограничного полка занят Хатхыл — в южной части о. Косогол (150 верст от Монд в глубь Монголии) взято 6 пленных»[15].

Далее Оссендовский описывает, как Пузиков с Каниным убили и ограбили зажиточное семейство Бобровых, а дом сожгли. Офицер Иванов, ошибочно именуемый старшим лейтенантом (такого звания у белых не существовало), проводил Оссендовского к месту трагедии на берегу озера и рассказал подробности того, как его отряд ночью подъехал к Тисинголу, где могли быть красные, и обнаружил на станции Пузикова и Каниных, деливших вещи и серебряные слитки. Застигнутые с поличным, преступники растерялись, а пытавшийся бежать Пузиков был задержан и вскоре, по прибытии на место преступления, застрелен Ивановым. Оссендовский записал показания юной спутницы Пузиковой,

которая призналась в преступлении: «Мой муж и я — большевистские комиссары, нас послали сюда выяснить, сколько белых офицеров скрывается в Монголии. Старик Бобров знал нас раньше. Мы хотели скрыться, но Канин удержал нас. Бобров несметно богат, сказал он, давно пора ограбить его и убить. Мы... заманили на станцию молодого Боброва — якобы поиграть в карты. Когда он собрался домой, муж выстрелил ему в затылок. Потом все мы поехали к Бобровым□ Первой из дома вышла жена Боброва. Прятавшийся за дверью Пузиков убил её топором, старика мы прикончили во сне. Услышав шум, из своей комнаты выбежала девочка, её убил Канин выстрелом в голову. Затем мы забрали все ценные вещи и подожгли дом□»

Осендовский, заметив темный силуэт на снегу, спросил Иванова, что это. Тот ответил: «Убийца Пузиков, которого я собственноручно пристрелил. Прикончил бы и Пузикову с Каниным, но пожалел его жену — еще не научился убивать женщин. Отправляю их с вами в Улясутай под охраной солдат. Впрочем, им уготован тот же конец — монголы будут судить их за убийство и, конечно, приговорят к смертной казни». Весной 1921 г. мемуарист узнал, что Канин и Пузикова были расстреляны[16]. Опубликованный С. Л. Кузьминым и Ю. Л. Рейтом фрагмент записей Осендовского упоминает эпизод с убийством Бобровых: «Убийство на Тисин-голе. Убийцы [неразборчиво] и телеграфист. <...> ...Старший лейтенант Иванов (который расстрелял Пузикову и привез в Улясутай жен Пузикова и Канина с Тисин-гола, где эта банда убила и сожгла семью Бобровых)»[17].

Подытоживая эту историю, можно привести яркую цитату о криминализированности чекистской корпорации из письма начальника агентурной разведки Регистра при штабе 5-й армии Восточного фронта, в декабре 1919 г. требовавшего «генеральной чистки наших разведывательных органов». Военный разведчик отмечал, что «...не мудрено встретить товарищей, защищающих с пеной у рта необходимость самого широкого применения принципа «цель оправдывает средства»... Не мудрено, что в агентурную разведку стекаются не только отребья человечества, а даже хуже. В этом отношении мы с успехом можем поспорить о пальме первенства с Чрезвычайными комиссиями и Особотделами... этими паразитическими органами, бросающими порой вызов самому небу..."[18]

При чтении остальной части мемуаров Осендовского можно оценить справедливость и рассказа о беспощадном разгроме казачьих станиц партизанами в 1919 г. «Каратуз — столица южно-енисейского казачества. Впрочем, теперь селение не узнать. Пришлые крестьяне и красногвардейцы перерезали всех казаков, разграбили и сожгли их дома, превратив село в большевистский центр всей Минусинской округи», и нелицеприятной оценки новосёлов Минусинского уезда: «В таких деревнях жили не свободолюбивые сибиряки, а пришлый народ с Украины. Эти люди, лентяи и пьяницы, ютились в убогих,

грязных хижинах, хотя вокруг простирались богатые черноземные земли"[19]. Согласно мемуарам видного партизана П. П. Петрова, в Канском уезде той же Енисейской губернии до самой Гражданской войны приезжие колонисты ютились в наскоро сбитых «грязных и курных новосельческих избах, зачастую вместе со свиньями и овцами"[20], вызывая презрение старожилов к тем, кто и печь не умел сложить.

В завершение отметим, что «призрак» Оссендовского, летом 1921 г. покинувшего Россию и до 1923 г. жившего в США, ещё долго преследовал чекистов. Из сводки информационной части Главного управления Госполитохраны Дальневосточной республики за 15 августа 1922 г. следовало, что находившийся в Харбине «ближайший соратник ВОЙЦЕХОВИЧА [полковник Унгерн — А. Т.] инженер-химик ОССЕНДОВСКИЙ недавно вернувшийся из Тяньцзина где он работал для атамана Семёнова, утверждает, что последним получена от американцев субсидия в размере 17.000.000 рублей"[21]. Качество агентурной чекистской информации, получаемой за рубежом, зачастую было очень невысоким, но, с другой стороны, и богатая биография Оссендовского может таить сюрпризы для историков.

В документальном романе Б. Н. Ширяева «Неугасимая лампада», напротив, выделяются эпизоды, которые своей внешней правдоподобностью сбивают исследователей, но не выдерживают теста на достоверность. Историк и бывший заключённый ГУЛАГа Н. И. Ульянов в парижском «Возрождении» (1952 г.) обратил внимание на беллетризацию Ширяевым соловецких материалов[22]. В «Неугасимой лампаде», этом ценном источнике по истории большевистской каторги и памятнике интеллигентской мысли, непримиримой к красной диктатуре, приведён крайне популярный ныне рассказ, то и дело некритически используемый современными не только публицистами, но и историками[23], о личности чекиста Нафталия Френкеля. Данный деятель карательной системы представлен мемуаристом подлинно демоническим персонажем, создателем огромной контрабандной империи и могущественным криминальным королём юга России в первые годы советской власти. Особое значение имеет то, что версия Ширяева оказалась использована А. И. Солженицыным в произведении «Архипелаг ГУЛАГ» и получила канонизированный статус.

Рассказанная Ширяеву со слов некоего заключённого из бывших чекистов (их на Соловках было около 200) история конфликта Н. А. Френкеля и Т. Д. Дерibasа[24] не имеет абсолютно никакого обоснования. В ней верить можно только описаниям активности и удачливой беспринципности зэка Френкеля, стремительно наращивавшего позиции толкового и инициативного лагерного администратора. Но мемуарист, не зная даже имени героя своей вставной новеллы, именует «Натана» Френкеля «оформителем и главным конструктором системы концлагерей страны победившего социализма», который, таким образом, «может смело претендовать

на звание убийцы многих миллионов». Кем же на самом деле был Френкель и какую роль в его судьбе мог сыграть один из крупных руководителей Лубянки Т. Д. Дерибас? Обнародованное в 2003 г. крымским историком С. Б. Филимоновым содержание следственного дела Френкеля 1923–1924 гг.^[25] прошло мимо внимания исследователей, хотя даёт убедительные доказательства фантастичности основных сведений, приводимых в мемуарах Ширяева.

Бизнесмен Н. А. Френкель был ещё и выдающимся авантюристом. Активный сторонник деникинцев, он издавал одну из газет белого Юга, а после его краха остался на Украине и не только смог избежать ареста, но в 1921 г. познакомился в Харькове с резидентом внешней разведки ВЧК. Тот предложил Френкелю выехать с ним в Константинополь, чтобы помочь познакомиться с некоторыми лидерами армии Врангеля, известными бывшему газетному дельцу. Обладавший широкими связями, умный и наблюдательный человек с журналистским опытом, Френкель, безусловно, был полезным приобретением для разведки и несколько месяцев помогал чекистам собирать источники информации в одном из главных центров белой эмиграции. Но после провала резидент был вынужден спешно бежать, передав на хранение своему агенту восемь тысяч долларов США и некоторые секретные документы — с условием вернуть их в Москву. Френкель остался в Турции, занимаясь коммерцией, а оставшимся агентам пояснял, что доллары пропали в обанкротившемся банке. В мае 1922 г. Френкель «вернулся в Россию в качестве импортёра заграничных товаров, явился в ГПУ, передал имеющиеся у него на хранении секретные документы, но о деньгах, полученных им на хранение, не упомянул ни словом, отчёта не дал и вернулся обратно в Турцию». Через несколько недель Френкель «опять приехал в Севастополь с товарами от разных фирм и остался в Севастополе на постоянное жительство, не думая уплатить причитающуюся ГПУ сумму». В ноябре 1923 г. его арестовали в Крыму и увезли на Лубянку, где Френкель показал, что доллары хранятся у его жены в Варне, и он «хотел их вернуть лично резиденту, которого он разыскивал в течение двух лет, и не мог его найти». Чекисты обвинили бывшего агента в том, что он присвоил деньги ГПУ и занимался на эти же средства злостной спекуляцией, приезжая неоднократно в Россию нелегально.

В своих заявлениях начальнику Контрразведывательного отдела ОГПУ А. Х. Артузову Френкель уверял, что подал заявление о переходе в советское подданство, что севастопольские чекисты работали с ним неумело, а держать в тюрьме и судить больного туберкулёзом человека, имеющего вес за границей и всецело преданного СССР, негуманно и нецелесообразно. Френкель подчёркивал, что в Болгарии арестовывался как большевик, но в деле подшита справка о том, что его трёхдневное пребывание в полицейском участке Варны было вызвано пьяным дебошем. Арестант утверждал, что он связан с «крупнейшим объединением, представляющим капитал не только Германии»,

и располагает первоклассным источником важнейшей информации. Уверенно-требовательный тон Френкеля в обращении к известному жестокостью по отношению к «сгоревшей» агентуре Артузову и преувеличение своего разведывательного значения привели к тому, что вместо предложенных следователем Я. М. Бодеско пяти лет за мошенничество и «злостную спекуляцию» во время нелегальных приездов в СССР ему дали максимально возможный срок заключения — 10 лет концлагеря[26]. Правда, привычное для «отработанных» агентов внешней разведки шпионское дело на Френкеля «навешивать» не стали.

Описанный Ширяевым эпизод с якобы созданной Френкелем в начале 1920-х гг. огромной контрабандной империи в Одессе и покупкой им местных и московских чекистов, так же как и разоблачение этой колоссальной коррупционной паутины Т. Д. Дерибасом, который был-де вынужден арестовать руководство Одесского губотдела ГПУ, не имеет под собой никакой почвы. Френкель контрабандой и спекуляцией занимался в скромных размерах, действовал не в Одессе, а в Крыму. Что касается руководителей Одесского губотдела ГПУ, то ни Т. А. Петров, ни сменивший его в марте 1923 г. Л. М. Заковский никаким репрессиям тогда не подвергались, и Заковский проработал начальником губотдела до осени 1925 г.[27]

Того же сорта и остальные сведения Ширяева о чекистах. Ошибочен и карикатурный портрет Т. Д. Дерибаса: «Очень маленького роста, почти карлик, с огромными оттопыренными ушами, шелушащейся, как у змеи, кожей и отталкивающими чертами лица...», чьи многочисленные фотоизображения дают вполне благообразный облик видного чекиста, человека нормального роста. Фантастично предположение, что «...у Френкеля были закупленные им «свои люди» в составе самой коллегии [ОГПУ. — А. Т.]. Можно предполагать, что одним из них был возвышавшийся в то время Ягода, который позже, уже во втором периоде карьеры Френкеля, явно ему покровительствовал». Не больше правды и во фразе: «Глава НКВД [на деле — ОГПУ. — А. Т.] того времени Менжинский был по существу пустым местом. Доведенный до полного рамолизма наркотиками и развратом всех видов, он был пешкой в руках своих ближайших помощников...» На деле В. Р. Менжинский, хотя и тяжело болел после инфаркта в 1929 г., из-за чего основная власть сосредоточилась в руках его заместителя Г. Г. Ягоды, но курировал, целиком или частично, многие крупные репрессивные акции начала 1930-х годов — от коллективизации до дела «Весна»[28]. Например, 12 августа 1930 г. он послал руководителям полпредств ОГПУ по Сибири, Дальнему Востоку, Уралу и Казахстану телеграмму, в которой требовал — в ответ на рост повстанческой активности — как можно быстрее рассматривать дела на тройках ОГПУ, «углубляя следствие» лишь тогда, когда есть перспектива раскрыть существенную контрреволюционную работу: «Не бойтесь размеров операции, важен результат»[29]. Неверно и утверждение, что «...коллегия ОГПУ вынесла Френкелю и его ближайшим сотоварищам смертный приговор,

но их покровители не сложили оружия. Френкель был уже приведен в подвал□ и там ему было объявлено... замена смертной казни десятью годами Соловецкой каторги». С Дерибасом, разумеется, расправился в 1937 г. Сталин[30], а не мифическая жертва его не менее мифической принципиальности: «С Дерибасом он [Френкель. — А. Т.], очевидно, сосчитался: этот последний исчез в период террора 1938 г. на Дальнем Востоке"[31].

Таким образом, яркие фрагменты «Неугасимой лампы» Ширяева, посвящённые видным чекистам, в целом не выдерживают проверки на достоверность. Напротив, самые интересные эпизоды книги Оссендовского оказались вполне объективными, правдиво трактуя и личность Унгерна, и проблемы белого террора в его войске, и чекистский криминал, и жизнь крестьян Енисейской губернии, что повышает доверие к тем фрагментам, которые пока считаются непроверенными. Но талантливая книга Ширяева тоже сохраняет свой статус заметного источника о Соловецком концлагере ОГПУ, пусть и новелла о «контрабандном спруте» Френкеле и «честном» чекисте Дерибасе должна отныне рассматриваться в качестве исключительно беллетристического эпизода.

Работа по критическому осмыслению мемуарных источников, один из примеров которой изложен выше — реально достижимый и важный элемент исторических штудий, которые позволяют формировать корпус дополнительного к архивному материалу достоверного нарратива, содержащего бесценные свидетельства современников и участников выдающихся исторических событий. Без такого рода источников невозможно объективное воссоздание непроявленной и нередко нарочито запутанной истории советского периода, в связи с чем подтверждение и уточнение мемуарной информации является насущной задачей исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Литвин А. Л.* ВЧК в современной исторической литературе // Архив ВЧК. Сб. документов. М., 2007. С. 52.

[2] *Оссендовский Ф. И* звери, и люди, и боги. М.: Пилигрим, 1994; *Ширяев Б. Н.* Неугасимая лампа. М.: Т-во рус. худож., 1991.

[3] *Kennan G. F.* The Sisson Documents // The Journal of Modern History. Vol. XXVIII. 1956. June. P. 130–154.

[4] *Старцев В. И.* Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 2006. С. 194.

[5] *Оссендовский Ф.* Звери, люди и боги. Рига: Г. Л. Биркен, 1925.

[6] *Кузьмин С. Л., Рейт Ю. Л.* Записки Ф. А. Оссендовского как источник по истории Монголии // Восток. 2008. № 5. С. 97–110.

[7] Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 221. Оп. 2. Д. 33. Л. 31, 32 об.

- [8] Там же. Л. 35 об.
- [9] Кузьмин С. Л., Рейт Ю. Л. Записки Ф. А. Оссендовского... С. 112.
- [10] Оссендовский Ф. И звери, и люди, и боги □ 160–163.
- [11] Сведения Ю. И. Гончарова URL <http://wap.siberia.forum24.ru/?1-9-60-00000179-000-40-0>
- [12] Кокоулин В. Г. Алтай в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 — март 1921 гг.). Новосибирск, 2013. С. 351.
- [13] Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М.: АИРО-XXI, 2007. С. 163.
- [14] Отдел спецдокументации Государственного архива Алтайского края (ОСД ГААК). Ф. Р-2. Оп. 6. Д. 192. Л. 20, 24.
- [15] Наумов И. В. Органы государственной безопасности Иркутской губернии в 1920 — начале 1922 года // Силовые структуры и общество: исторический опыт взаимодействия в условиях Сибири. Мат-лы научно-теоретич. семинара. Иркутск: Вост.-Сиб. ин-т МВД РФ, 2003. С. 189–216.
- [16] Оссендовский Ф. И звери, и люди, и боги □ С. 174–177.
- [17] Кузьмин С. Л., Рейт Ю. Л. Записки Ф. А. Оссендовского... С. 113.
- [18] РГВА. Ф. 185. Оп. 6. Д. 24. Л. 604 об., 605.
- [19] Оссендовский Ф. И звери, и люди, и боги □ С. 62–63.
- [20] Государственный архив Новосибирской обл. (ГАО). Ф. П-5. Оп. 2. Д. 936. Л. 88.
- [21] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 118. Л. 149.
- [22] Ульянов Н. И. Внуки Лескова // Критика русского зарубежья. М.: АСТ, 2002. Т. 2. С. 279–298.
- [23] См.: Абрамовский А. А. Троицк-Москва-Дальний Восток. Трагический путь чекиста Дерибаса. Челябинск, 2007.
- [24] Ширяев Б. Н. Неугасимая лампада. М.: Т-во рус. художников, 1991. С. 143–154.
- [25] Филимонов С. Б. Тайны крымских застенков. Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920 — 1940-е годы. Изд. 2-е, доп. Симферополь: Бизнес-Информ, 2003. С. 181–188.
- [26] Филимонов С. Б. Тайны крымских застенков... С. 194–196, 185.
- [27] Скоркин К. В. На страже завоеваний Революции. Местные органы НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР. 1917–1923. М., 2010. С. 520.
- [28] АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 353. Л. 102–103, 166; Д. 354. Л. 13; Д. 355. Л. 1, 86, 172 и др.; Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК-ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М.: Кучково поле, 2008. С. 388–396.
- [29] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 219. Л. 131.
- [30] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной

и государственной власти. 1937–1938 гг. / Сост. В. Н. Хаустов и др. М.: МФД, 2004. 301 с.

[31] *Ширяев Б. Н.* Неугасимая лампада... С. 145, 147, 148, 154.

Впервые опубликовано: Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 4. С. 68–81.